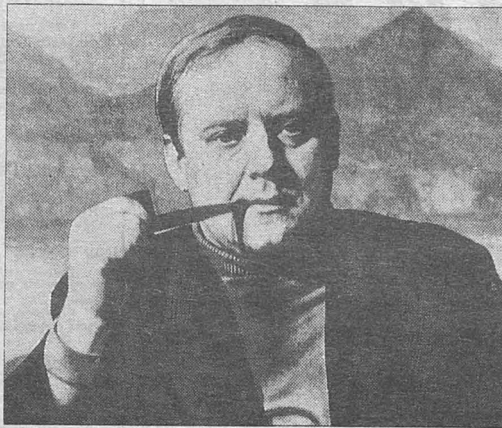

Памяти Юрия ВИЗБОРА

Юрий ВИЗБОР

В Ялте ноябрь. Ветер гонит по набережной
Желтые, жухлые листья платанов.
Волны гремят, разбиваются о парапет,
Словно хотят добежать до ларька,
Где торгуют горячим бульоном...

В Ялте ноябрь. В Ялте пусто, как в летнем кино,
Где только что шла французская драма,
Где до сих пор не остыли моторы проектора.
И лишь экран одиноко глядит,
Освещенный косым фонарем...

В Ялте ноябрь. Там, в далеких норвежских горах,
Возле избы, где живут пожилые крестьяне,
Этот циклон родился и, пройдя всю Европу,
Он, обессиленный, все ж холодит
Ваши щеки...

В Ялте ноябрь. Разрешите о том пожалеть,
И с легким трепетом взять Вас под руку.
В нашем кино приключений осталось немного...
Так будем судьбе благодарны
За этот печальный, обреченный кем-то билет.

Видно, нечего нам больше скрывать.
Все нам вспомнится на Страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым - исполнение надежд.
Видно, прожитое прожито зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль...
Видишь, падают дожди сентября,
Видишь, старый дом стоит среди лесов.

Мы растопим в доме печь, в доме печь...
Мы гитару позвоим со стены...
Все, что было, мы не будем беречь,
Ведь за нами все мосты сожжены...
Все мосты, все перекрестки дорог,
Все нашептанные клятвы в ночи...
Каждый сделал все, что мог, все, что мог,
Но об этом мы с тобой помолчим.

И слуга войдет с оплывшей свечой,
Вспыхнут ставни на лету, на лету...
Ах, как я тебя любил горячо,
Это годы не сотрут, не сотрут...
Всех друзей мы позвоим, позвоим,
Мы набьем картошкой старый рюкзак.
Спросят люди, что за шум, что за гром?
Мы ответим: просто так, просто так,

Просто нечего нам больше скрывать.
Все нам вспомнится на Страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым - исполнение надежд.
Видно, прожитое прожито зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль...
Видишь, падают дожди октября,
Видишь, старый дом стоит среди лесов.

Воскресенье в Москве

Звук одинокой трубы. Двор по-осеннему пуст. Словно забытый бобыль, Зябнет березовый куст.	Мне бы - неведомо где - Почту такую достать, Чтобы заклеймить тот день, Чтобы тебе отослать.
Два беспризорных щенка Возьмется в мокрой траве. К стеклам прижата щека... Вот воскресенье в Москве.	Ты-то порвешь сгоряча Этот чудесный конверт С песней того трубача И с воскресеньем в Москве.
Вот телефонный привет - Жди невеселых гостей. Двигает мебель сосед, Вечером будет хохкей.	Вот зажигают огни - В ближних домах и вдали. Кто-то в квартиру звонит: Кажется, гости пришли...
О, не молчи, мой трубач! Пой свою песню без слов. Плачь в одиночестве, плачь: Это уходит любовь.	

«Но бережем за тепло
Старые добрые песни.
Ну, постарайся, воскресни.
Время чудес не прошло...»

О смерти Юрия Визбора мы услышали не сразу, а лишь в ноябре 84-го года. На вечере Вениамина Смехова, в университете. О том, что они были друзьями, я узнала спустя несколько лет, слушая старые визборовские записи:

Впереди лежит хребет скальный,
Позади течет река Время.
Если б я собрался в путь дальний,
Я бы Смехова позвал, Веню.

Несмотря на то, что он - умный.
И талантлив больше, чем нужно...
Мы прошли бы этот путь трудный,
И прошли бы, я надеюсь, дружно...

Да и о самом Визборе я почти ничего тогда не знала. И песен его слышала немного. Но имя это звучало, легенда о нем жила: и в институте (том самом, ленинском педагогическом!), и в компаниях, и в воспоминаниях близких ему людей. Ни одно коллективное расставание, особенно в детстве, не обходилось без «Лесного солнышка» - песни, ставшей классической.

...Он умер в очень солнечном, очень яблочном сентябре. Я тогда работала в школе. От своих ребят услышала множество его песен. В 87-м мы решили провести посвященный Визбору вечер. «Я бы ни за что не взялась. Ведь вы его совсем не знаете!» - пыталась отговорить меня подруга. Но мы рискнули. Взяли за основу песни - что-то около двадцати - и небольшую статью Юрия Кима из журнала «Юность».

Замечательный получился вечер. Горели свечи. Девчонки пели под гитару. В углу дремала директриса, присутствовавшая на мероприятии «по долгу службы». Потом мы пили чай, снова пели, снова читали стихи... Разошлись поздно. Утром, когда мы снова вошли в класс (помню, был урок обществоведения в 10-м «Б»), на партах атели неотмытые восковые капли, а на доске красовалось вчерашнее, прозвучавшее темой урока: Юрий Визбор. Первая встреча.

Именно с того вечера Визбор стал частью моей судьбы. Каждая ситуация, каждая жизненная роль были ему созвучны. Взрослея, мы открывали все новые и новые пласты, новые грани этого мудрого, талантливого, чистого человека. Не переставая восхищаться и просто не переставая, цитировали и напевали его строчки.

Запомнился, например, такой эпизод. Мы в Крыму. Возвратившись с моря, включаем приемник. И - сразу же, с первых секунд, - любимейшая песня «Снег над лагерем валит...». А несколько лет спустя я жила в конце лета в Болшеве. Под теми горестно знаменитыми соснами, в старинном деревянном особняке. На удивление быстро мы нашли у Визбора песню, написанную словно об этом доме, хранящем дух века ушедшего, и даже об этом времени года...

Потом, когда до нас дошли наконец те самые «самодельные» кассеты, мы с подругой слушали их сутками. Ушло в прошлое то время. Давно ли это было: ночь, кухня, сигаретный дым перемешивается с кофейным запахом... И старенький магнитофон, и звучащие - одна за другой - визборовские песни. Одна из них, чему я, впрочем, уже не удивилась, предсказала наше будущее. Хорошо помню ту страшную московскую осень, перешедшую в не менее страшную зиму 91-го года. Время пустых прилавков, безумных очередей, слухов о готовящихся погромах... Неосвещенные улицы выглядели зловещими. В один из таких темных и холодных вечеров Лена сказала мне о своем желании уехать. Слезы, отчаяние, опустошение, долгие проводы... - все это было у нас потом. И эта, все угадавшая песня:

В Аркашиной квартире живут чужие люди,
Ни Юли, ни Аркаши давно в тех стенах нет.
Там также не сижу я с картошечкой в мундире,
И вовсе не Аркашин горит на кухне свет.
Неужто эти годы прошли на самом деле,
Пока мы разбирались, кто теща, кто свекровь,
Куда же мы глядели, куда все галдели,
И бойко рифмовали слова «любовь» и «кровь»?
В Аркашиной квартире бывали эти рифмы -
Не в виде сочинений, а в виде высоты...
Там даже красовалась неясным логарифмом
Абстрактного картина для общей красоты.
Нам это все досталось не в качестве наживы,
И был неповторимым наш грошевой уют.
Ах, слава Богу, братцы, что все мы вроде живы,

И все, что мы имеем, уже не украдут.
Мы были так богаты чужой и общей болью,
Наивного моралью, желаньем петь да петь...
Все это оплатили любовью мы и кровью,
Не дай нам Бог, ребята, в дальнейшем обеднеть.

...В Аркашиной квартире все бродят наши тени,
На кухне выпивают и курят у окна...
Абстрактного картина, судеб переплетенье,
И так несправедливо, что жизнь у нас одна...

Мы, слава Богу, живы, а Визбора нет уже десять лет. К сожалению, мы не были знакомы с ним лично. Нам даже не довелось побывать

на его концертах. Но мне кажется, я знаю, каким он был. Очень добрым. Бескорыстным. Отчаянным романтиком - и в чувствах, и в поступках. Бродягой-путешественником. В его песнях - Теберда и Кандакша, плато Расвумчорр и хребет Хамар-Дабан, Мурманск и Курильские острова... Ключевое слово этих мини-репортажей - дорога:

Давайте прощаться, друзья,
Немного устала гитара.
Ее благородная тара
Полна нашей боли до дна.
За все расплатившись сполна,
Расходимся мы понемногу,
И дальняя наша дорога
Уже за спиной видна...

В его песнях оживают разные эпохи, соединяясь порой друг с другом. А вот строки, весьма актуальные сегодня, хотя написаны давным-давно:

Теперь толкуют о деньгах:
В любых заброшенных снегах,
В портах, постелях, поездах,
По всяким мелким зодиакам...
Тот век рассыпался, как мел,
Который словом жить умел,
Что начиналось с букв «л»,
Заканчиваясь мягким знаком...

Главное у Визбора - вечные ценности, настоящая мужская дружба и нерастратная любовь. И, конечно же, работа. Ее он называл первой строкою, а также первой печалью, первой любовью, первой тропею...

С его строчками, как и с кассетами, расстаться невозможно. Правда, без мелодии, без гитары представить их трудно. Визбор - один из родоначальников авторской песни, начинавшейся в 60-х. Теперь это хорошо известно. Однажды мы заговорили об этом жанре с моим знакомым, журналистом Сашей Трушиным. Вершины КСП для него - Высоцкий, Окуджава, Никитины, Долина... Высоцкий - всегда в образе. Окуджавские стихи не звучат без музыки. У Сергея Никитина прекрасная музыка на прекрасные стихи... Вероника Долина могла бы быть хорошей актрисой. Все остальные барды - себя и друзей, городской фольклор. А Визбор - между этими двумя измерениями.

Возможно, Саша прав. Есть у Визбора и блестящие, классически отточенные стихи, и легкие, импровизационные, и совсем простенькие, на бытовые и, что называется, «общенародные» темы... Есть прекрасная музыка, но есть и, как нередко бывает в этом жанре, да и не только, заимствованные мелодии. Но - и это бесспорно - его строчки всегда музыкальны. Хотя некоторые из них звучат без музыки, просто как стихи. И звучат великолепно.

Впрочем, в любой хорошей песне, любом настоящем стихотворении всегда живет нечто большее, чем «просто» домашняя музыка или «просто» настоящие стихи. Эта божественная искра, это «дуновение вдохновения» называется душой. Душа поет, плачет, скорбит, возносится... Мастерство ее владельца, автора - пером ли, кистью или рукою, - завершая работу души, придает ей форму, единственно возможную. Душа плюс мастерство в сочетании с немалыми усилиями - вот формула состоявшегося.

Мы надеемся немножко,
Что вернется все к весне -
По тропинке, по дорожке,
По растаявшей лыжне...

весело пел он в одной своей грустной песне. Надеяться он умел. Хотя ему не удалось украсть для себя новую жизнь, чтобы стать летчиком, врачом или астрономом. Наверно, он многого не успел, ведь умер чудовищно рано. По-настоящему мы осознали это совсем недавно, когда сопоставили две даты - десять лет со дня смерти и шестьдесят - со дня рождения.

И пластинка, и книга, и буклеты, и телепередачи... - все это по недоброй нашей традиции появилось позже, после него. Не случайна визборовская строчка из песни, посвященной Высоцкому: «Теперь никто не хочет хотя бы умереть, / Лишь для того, чтоб вышел первый сборник...»

Я радуюсь, что мы сумели выполнить одно пожелание Юрия Визбора, о котором он так негромко попросил:

Я хочу, чтобы вы не забыли меня,
Если это, конечно, в природе возможно...

Наталья САВЕЛЬЕВА

Хотьково, сентябрь 1994 г.

Читайте в следующем номере:

О конкурсе «Учитель года России-94»